

■ Редакционная статья / Editorial article

Какими мы будем? Экзистенциальный ответ на вызовы цифровой эпохи

И. В. Ломакин-Румянцев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Ломакин-Румянцев, И. В. (2026). Какими мы будем? Экзистенциальный ответ на вызовы цифровой эпохи. Образовательная политика, 25(2), 8–11.

© Ломакин-Румянцев И. В., 2026
Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under
a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Поступила: 08.05.2026
Принята: 15.05.2026
Дата публикации: 06.07.2026

Илья Вадимович ЛОМАКИН-РУМЯНЦЕВ

к. экон. н., руководитель, Научная лаборатория
«Центр развития потребительского рынка»,
Экономический факультет, Московский
государственный университет им. М. В. Ломоносова
(119991, РФ, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46),
e-mail: ilomakin@me.com

*Вначале хомячок боялся пылесоса.
А потом ничего — втянулся.*

Предисловие

«Какими мы будем?» — это ключевой вопрос, который задает мой друг — экономист и социальный аналитик Илья Ломакин-Румянцев. На фоне алармистских сценариев будущего он делится штрихами портрета Человека Антропологии Будущего. Ключевое достоинство этого Человека — автономное пространство нашего неповторимого Я, неспешный ритм собственной жизни, счастье общения со Значимыми Другими, а не навязанный спринт в погоне за чужими успехами. Илья Ломакин-Румянцев пронзительно подмечает, что монастырь перестает существовать не тогда, когда рушатся стены, а когда уходит последний монах, знавший устав.

Так и человеку, чтобы не растерять человеческое, нужна не платформа, для которой он является лишь ресурсом экономики овладения вниманием, а нужны те Другие, которых наш соотечественник — великий психофизиолог Алексей Алексеевич Ухтомский называл Заслуженными Собеседниками. Без неспешного общения с ними распадается связь времен, и мы утрачиваем редчайший шанс стать самими собой, смеяться, восхищаться дарами культуры, любить и быть любимыми.

*Александр Асмолов, заслуженный профессор
МГУ им. М. В. Ломоносова*

ХХІ век войдет в историю не только как эпоха искусственного интеллекта, климатических кризисов и геополитического передела мира, но и, возможно, как время главной борьбы за человека. Причем борьбы не в старом политическом смысле: не между капитализмом и социализмом, не между государствами и даже не между богатыми и бедными.

Главный конфликт столетия может пройти глубже: между алгоритмической средой, оптимизированной под удержание внимания, и малыми человеческими структурами, воспроизводящими людей, способных жить не только импульсом.

Индустриальная эпоха создала массового человека через большие институты. Семья, школа, армия, церковь, университет и производственный коллектив формировали дисциплину, идентичность, способность жить ради будущего. Человек существовал внутри плотной социальной ткани.

Советская система пыталась вывести человека из семейной приватности в коллективную среду, предлагая пионерию, комсомол, заводскую жизнь, культ трудового коллектива, общие ритуалы и песни, общий горизонт. Человека проектировали большие структуры. Цифровая эпоха довольно быстро разрушила эти механизмы. Семья ослабла. Организации распались. Религия потеряла монополию. Работа перестала быть пожизненной идентичностью. Общие культурные потоки стали исчезать. И образовавшийся вакуум начали заполнять платформы.

Впервые в истории базовой средой формирования личности становится не община, класс или государство, а персонализированная алгоритмическая лента.

Она знает человека лучше соседей, учителей и иногда даже лучше семьи. Она формирует язык, эмоции, нормы, желания, политические реакции, ощущение статуса и ритм внимания.

Причем лента делает это не ради воспитания человека, а ради удержания вовлеченности.

Можно возразить, что подобные страхи человечество переживает не впервые. Сократ жаловался на письменность. В XVIII веке боялись романов. В XIX — массовой прессы. В XX — телевидения. И каждый раз казалось, что новая среда разрушает способность думать.

Но дело, возможно, не в самом факте появления новой информационной среды, а в масштабе и степени персонализации воздействия. Впервые мы сталкиваемся с непрерывным подстраиванием под конкретную психику в режиме реального времени. Никогда прежде человек не жил

внутри настолько индивидуально сконструированного потока стимулов.

При этом проблема не в том, что люди внезапно «стали слабыми».

Можно справедливо заметить, что разговоры о «потере воли» часто звучат как романтизация прошлого.

Индустриальная эпоха вовсе не была золотым временем устойчивых личностей. Семья, школа и коллектив нередко воспроизводили не только солидарность, но и насилие, конформизм и страх. И это действительно так.

Проблема XXI века не в том, что «раньше люди были лучше».

Новая ситуация заключается в другом: впервые огромная часть среды начинает системно оптимизироваться под удержание внимания как экономического ресурса. Алгоритм не заинтересован в зрелой личности, потому что она слишком автономна — хуже реагирует на стимулы, лучше переносит скуку, способна к отсроченному вознаграждению и имеет внутренние опоры. Для экономики внимания она не слишком удобна. Поэтому постепенно начинает вознаграждаться не глубина, а реактивность — быстрая эмоция, мгновенный отклик, постоянная стимуляция, дробление внимания, зависимость от внешнего подтверждения.

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ БАЗОВОЙ СРЕДОЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СТАНОВИТСЯ НЕ ОБЩИНА, КЛАСС ИЛИ ГОСУДАРСТВО, А ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ЛЕНТА

Здесь легко услышать еще одно возражение: человек вообще не обязан жить как монах или стоик. Люди всегда любили праздники, карнавалы, легкость, развлечения и удовольствия. Цивилизацию строили не только монастыри, но и ярмарки, кабаки, любовные истории, праздность и человеческая тяга к удовольствию. Это тоже правда. Обычный человек — не машина и не эталон самодисциплины. Попытка превратить общество в монастырь, как правило, заканчивается либо лицемерием, либо жестокостью. Речь идет не о запрете удовольствий и не о культе аскезы, а о том, что любая сложная цивилизация требует некоторого количества людей, способных к отсроченному действию: ученых, инженеров, врачей, предпринимателей, офицеров, родителей.

Когда массово исчезает способность к длительной концентрации и усилию, общество может еще долго выглядеть технологически успешным, но постепенно начинает терять несущие конструкции.

Нужно учитывать еще одну проблему, возможно, более опасную, чем алгоритмическая среда: способность к внутренней устойчивости редко воспроизводится сама собой. Почти у каждого человека, сохранившего способность к длинному усилию, в биографии обычно был кто-то, умевший жить не только от импульса к импульсу: отец, мать, учитель, тренер, научный руководитель, старший товарищ, командир или просто какой-то взрослый. Такие люди передают не столько правила, сколько внутренний ритм жизни. Они показывают, что можно держать слово, не бросать дело после первой неудачи и жить не только ближайшими целями. Их влияние часто почти незаметно, но именно через них воспроизводится способность человека быть взрослым.

Рокфеллеру приписывают фразу: «То, что семья обсуждает за столом, становится ее будущим». Трудно проверить, говорил ли он это буквально. Но сама мысль точна.

Цивилизации вообще воспроизводятся не только через институты, законы и экономику, но и через повседневные микроритуалы:

о чем говорят дома?

Как взрослые реагируют на трудности?

Умеют ли слушать?

Умеют ли ждать?

Умеют ли концентрироваться?

Есть ли в доме книги?

Есть ли долгие разговоры?

Есть ли уважение к труду и мастерству?

**ЕСЛИ НЕСКОЛЬКО ПОКОЛЕНИЙ
ПОДРЯД БУДУТ ВОСПИТЫВАТЬСЯ
ВНУТРИ СРЕДЫ ПОСТОЯННОЙ
СТИМУЛЯЦИИ, ТО МОЖЕТ НАЧАТЬ
ИСЧЕЗАТЬ САМ ТИП ВЗРОСЛОГО,
СПОСОБНОГО ПЕРЕДАВАТЬ
УСТОЙЧИВОСТЬ**

Если несколько поколений подряд будут воспитываться внутри среды постоянной стимуляции, то может начать исчезать сам тип взрослого, способного передавать устойчивость.

Монастырь перестает существовать не тогда, когда рушатся стены, а когда уходит последний монах, знавший устав.

И, возможно, это уже

не столько вопрос технологий, сколько вопрос культурной передачи.

Разумеется, все это можно счесть чрезмерным драматизмом. Человек адаптивен и всегда менялся вместе со средой. И это верно. Возможно, цифровая эпоха действительно создаст новый тип личности — менее линейный и терпеливый, но более гибкий и быстрый. Возможно, часть старых форм концентрации действительно уйдет, как ушли навыки устного эпоса после появления письменности.

Но поэтому еще важнее становится вопрос: какие человеческие качества цивилизация считает настолько ценными, что готова сознательно их сохранять?

Сейчас неожиданно начинают возвращаться практики, еще недавно казавшиеся странными или старомодными: долгое чтение, пребывание в тишине, спорт, работа руками, долгий разговор, офлайн-общение.

Все эти вещи являются скорее попыткой сохранить автономию внимания, чем формой аскезы или морального превосходства.

Постепенно возникает новый антропологический разлом: не по крови.

Не по классу.

Не только по деньгам.

И даже не по интеллекту.

А по способности удерживать собственную психику под контролем.

Главным дефицитом XXI века становится не информация, которой слишком много, а внутренняя собранность, способность: долго концентрироваться,

терпеть фрустрацию,

жить ради дальних целей,

не растворяться в потоке стимулов,

не терять идентичность в алгоритмической среде.

Нетрудно заметить и опасность такого взгляда. Он легко начинает делить людей на «правильных» и «испорченных», на носителей дисциплины и тех, кто, все сильнее зависит от внешней стимуляции.

История показывает, что идеи о «правильном человеке» слишком часто превращаются в высокомерие, культ чистоты или авторитарные проекты воспитания.

Поэтому речь идет не о создании новой касты аскетов, а скорее о том, что в мире тотальной конкуренции за внимание способность к внутренней устойчивости постепенно становится редким и ценным навыком — примерно так же, как некогда грамотность была привилегией меньшинства. Если массовая среда все сильнее оптимизируется под рассеяние внимания,

то общество почти неизбежно начнет реагировать, производя малые структуры, внутри которых будут сознательно выращивать другой тип человека. История знает такие примеры.

Во времена распада больших систем возникали монастыри, философские школы, протестантские общины, университетские корпорации, интеллектуальные кружки, диаспоры. Они сохраняли не просто знания, но и способность к длительному усилию и внутренней дисциплине.

В XXI веке такими структурами могут стать самые разные микрогруппы: от интеллектуального салона до спортивной секции, от семейной традиции совместных ужинов до закрытого исследовательского сообщества. Функция у них будет одна: поддержание способности человека сохранять устойчивость внутри среды, заинтересованной в его рассеянии.

Впрочем, и здесь нет гарантированного спасения. Малые сообщества легко превращаются в секты, пузыри, системы контроля и страха. Реакция на хаос нередко рождает соблазн организации жесткого порядка.

Поэтому вопрос будущего заключается не в том, что нужно «вернуть прошлое» или построить общество тотальной дисциплины. Прошлое не вернется. И человек не перестанет любить удовольствие, эмоции, отвлечение и игру.

Главный вопрос XXI века, возможно, уже не в том, какие технологии создаст человек, а в том, сумеет ли он сохранить те качества, без которых цивилизация теряет глубину, устойчивость и способность передавать себя дальше.

What will we be like? Existential Response to the Challenges of the Digital Age

Ilya V. Lomakin-Rumyantsev

PhD in Economy, Head, Research Laboratory 'Center for Consumer Market Development', The Faculty of Economics, Moscow State University (1/46, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991), e-mail: ilomakin@me.com

TO CITE Lomakin-Rumyantsev, I. V. (2026). What will we be like? Existential Response to the Challenges of the Digital Age. *Educational Policy*, 25(2), 8–11.

© Lomakin-Rumyantsev I. V., 2026

Received: 08.05.2026

Accepted: 15.05.2026

Date of publication: 06.07.2026